

А. Д. Каксин

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО: ОСОБЕННОСТИ «РЫБОЛОВНОГО ДИСКУРСА» В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

АННОТАЦИЯ. Рассматривается один из самых распространенных в языках северных народов типов дискурса — рассказ о людях, занятых добычей рыбы. Указывается на его типичность (частотность), обусловленную особенностями материальной культуры, способами традиционного природопользования. Основой подхода является принцип антропоцентризма, т.е. семантического описания единиц языка, используемых для называния, характеристики и оценки человека. Лексические единицы рассматриваются и как часть словаря, и в составе предложения и текста: языковая реконструкция образа человека предполагает выявление многомерных структур, предполагающих включение элементов, имеющих коммуникативную, прагматическую, когнитивную значимость для выражения искомого концепта. В основу анализа положен рассказ основоположника хантыйской литературы Г. Д. Лазарева «Сорнег тов» («Золотой конь»). В этом коротком рассказе автору удалось ярко подать образ рыбака. Человека ответственного, преданного своему делу, придерживающегося традиций, но склонного и к новациям (в частности, к использованию лодочного мотора — «золотого коня»). Для достижения цели рассматриваются фрагменты текста, содержащие характеристику человека, занятого ежедневной добычей рыбы. Анализируются структурно-семантические особенности текста, способствующие вербализации искомого концепта. В результате анализа устанавливаются особенности дискурса о добыче рыбы в хантыйском языке: изображение разных сторон процесса (его восприятие разными людьми), внимание к деталям, определение главных качеств настоящего рыбака (ответственное отношение к своему делу, полное погружение в него, иногда даже азарт, передача навыков подрастающему поколению).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ханты, традиционная деятельность, хантыйский язык, концепт «человек — рыбак», словарь, дискурс, художественное произведение

УДК 81-114.2

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-51-59

КАКСИН АНДРЕЙ ДАНИЛОВИЧ — д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Россия, Абакан)
E-mail: adkaksin@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

В современной науке имеется два взгляда на языки малых народов — социолингвистический и собственно языковедческий. В первом случае рассматривается положение языка (масштаб его функционирования на определенной территории), во втором — описывается система языка (в терминах частных разделов лингвистики). Бывает и так, что социологические выкладки служат лишь небольшим введением для основной, описательной, части. Есть и новаторский подход: в рамках одной работы анализируется социолингвистическая ситуация и прослеживаются изменения в языке (Черемисина 1992: 11–51; Кузнецова 2007; Бурькин 2019).

Однако есть еще ряд работ, отличающихся своеобразием подхода к языкам малочисленных народов, в них превалирует культурологический подход. Реализуется он в самых различных вариантах: указывается на связь языка с устойчивостью традиционной культуры, исследуется отображение в языке особенностей мышления, этических норм и эстетических идеалов, других базовых элементов традиционной культуры, впрочем, как и специфики принимаемых новаций (Гемуев 1995; Кулемзин 1995; Лаптандер 2014; Вахтин 2016; Мызников 2016; Набок 2017; Урманчиева 2018; Csepregi 2014).

Наша работа началась в русле именно этого направления: мы пытались выяснить, как отражаются в языке условия, закономерности проявления (использования) и сбережения человеческой энергии. В результате выяснилось, что тема «Энергия языка. Энергия в языке» очень широка, объемна и многогранна. До анализа собственно языковых средств, содержащихся в речи (и художественных текстах), укажем на некоторые проявления энергии в фольклорных произведениях.

В устном творчестве каждого народа мы найдем бесконечное разнообразие сюжетов. Бывает, что какой-либо эпизод нединамичен, но это означает только одно: вот уже сейчас начнется динамика (статичность является преддверием неизбежного активного действия). В русских сказках герой лежит-лежит на печи, но что-то случается (чаще всего нападение врагов) — и герой совершает свои деяния. В одной хантыйской сказке младший брат подвигает старших промышлять в незнакомых местах. Собираются они, совершают долгий путь, приходят на место. Один спрашивает: «Тут тайлан?» («Огонь есть?»). Выясняется, что огня нет — это стимул для дальнейших активных действий (Сенгепов 1994: 18–30).

Достаточно зримое представление о сохранении энергии дают также представления ханты о жизни в этом и «другом» (потустороннем) мире. В частности, появление поверий о тени (человека) говорит о том, что люди понимали: возникновение тени, ее следование за человеком — это свидетельство того, что человек жив, активен, находится в движении. Органично связано с такой трактовкой тени и предостережение не оставлять, например, свое изображение на снегу: если «повторение» человека «отделилось» от него, может случиться непоправимое (Зенько 1997: 72–74).

Многие поверья о душе (точнее, о душах), сверхъестественных силах и явлениях, влияющих на человека, имеют своей основой стремление ханты обосновать естественный ход вещей, объяснить гармоничный миропорядок внутри и вокруг хантыйского сообщества. Начиная с К. Ф. Карьялайнена об этом писали многие исследователи, обращавшиеся к теме духовной жизни обских угров — ханты и манси (Чернецов 1959; Кулемзин 1984; Зенько 1997; Сподина 2007; Попова 2013; Молданова 2017).

Рассмотрим сон: казалось бы, это нечто статическое (процесс, состояние). Однако сон — один из действенных способов сохранения и преумножения сил: после сна человек с новыми силами принимается за свои дела. У селькупов есть легенда о «принце Итьге» (Ичи), с которым они связывают свои надежды на успех в деле противостояния Демону (поедающему мясо, людей) и «Кристосу» (предводителю русских, пришедших на земли селькупов). Но Ичи, устав бороться, временно погрузился в сон. Есть надежда, что сон этот — временный (Головнёв 1995).

В таких сюжетах (фрагментах) и герои, и их деяния являются сутью жизни, органичным проявлением энергии народа. Великое число ярких фрагментов, свидетельствующих о разнообразии средств, употребительных для выражения энергии, можно найти в литературных произведениях. На одном дыхании читается концовка рассказа И. С. Тургенева «Муму»: Герасим возвращается

в деревню, он не ведает преград, он свободен, он выступает как лев. Много образных средств находит писатель, чтобы словами передать пение (описание пения Якова в рассказе «Певцы»)… Такие же яркие фрагменты (и соответствующие экспрессивные средства) обнаруживаются и в произведениях хантыйской литературы.

Основное занятие ханты — рыболовство, и, разумеется, жизнь народа, связанная с промыслом на реках и озерах, обрисована очень подробно. Живописуют сцены рыбацкой жизни М. Шульгин, В. Волдин, Р. Ругин, Е. Айпин, М. Вагатова и другие мастера слова. Вот, к примеру, как описываются некоторые орудия и приемы рыбной ловли в этнографическом труде: «Боталка — лолкыв. Когда поставят невод, отъедут на обласке и рыбу пугают, загоняют в сторону невода. Длина боталки метра четыре. Для мелких мест делают короче. … [А вот как] красят сети. В теплую воду засыпают красную краску для хлопчатобумажных тканей, в раствор опускают сети, и через некоторое время вынимают и развешивают на просушку между кольями» (Лукина 2005: 13–14). Перед нами — чисто этнографическое описание: краткое, точное, без экспрессии. И дается оно на языке науки — русском.

Далее, выявляя средства уже хантыйского языка, рассмотрим подробнее рассказ основоположника хантыйской литературы Г. Д. Лазарева «Сорненг тов» («Золотой конь»). Для эффективности анализа составные части и единицы рассказа будем рассматривать в качестве элементов дискурса. Из многочисленных определений данного понятия нам ближе всего следующее: дискурс — это «текст, взятый в событийном аспекте», речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 137).

Описание процесса рыбной ловли возможно на любом языке, но, надо полагать, при переходе от одного языка к другому обнаруживается и специфика, связанная как с местными правилами рыболовства, так и с системой языка, на котором ведется рассказ.

«Сам по себе язык есть особая форма существования знания». Эту свою мысль выдающийся лингвист М. И. Черемисина развивает следующим образом: «В языке, в его словаре и грамматике, фиксируются, хранятся и передаются потомкам все достижения познающей человеческой мысли, наблюдений и опыта поколений предков» (Черемисина 1998: 13).

Рыболовство — традиционный промысел ханты, являющийся материальной основой жизни, и таковым он стал еще в древности. Об этом говорят и данные компаративистики. Слово со значением «рыба» есть в современных финно-угорских и самодийских языках, и звучит оно почти так же, как звучало в уральском праязыке:

*kala > фин. kala, эст. kala, саам. guolle, эрз., мокш. кал, мар. кол, хант. kul, мс. хӱл, венг. hal, ненец. хӱл'е (Основы… 1974: 404).

Безусловно, язык развивается вместе с породившим его этносом. Яркий пример находим и в исследуемом материале: процесс добычи рыбы в современном хантыйском языке описывается с помощью глагола *vet-* 'убивать' (Лазарев 1999: 22), тогда как в более ранний период использовался глагол *kānš-* 'искать' (Steinitz 1966–1991: 644).

Наш подход к теме обусловлен также интересом к семантической структуре слова и «поведению» слова в тексте, т.е. к тем вопросам, которые являются предметом лексикологии и теории дискурса. Многие идеи и положения этих двух научных разделов в равной степени актуальны при исследовании лексических единиц, причастных к вербальному выражению определенного концепта. Один из факторов, способствующих быстрому формированию концептов, — системность, и в организации лексики, и в типизации разнообразных текстов (в иной терминологии: словарь — потенциальная энергия, речь / текст — реализованная энергия языка).

Вероятнее всего, концепты складываются постепенно, по мере взросления человека. Влияют на этот сложный процесс и коммуникативная среда (в частности, не «перебивается» ли родной язык каким-либо другим языком), и другие факторы окружающей жизни. К примеру, жизнь

в традиционном хантыйском обществе достаточно быстро приводит к складыванию понятия *мулты верты* (*хӱннэхӱ*) ‘трудящийся (человек)’, поскольку такого человека можно видеть каждый день, он явно противопоставлен *ӱл омасты* (*хӱннэхӱ*) ‘просто сидящему (человеку)’. С этим понятием тесно связаны тематические блоки обширного поля «Рыболовство»: разная рыба, водоемы, время и виды промысла, орудия ловли. В результате укладывания определенных, избираемых по ситуации слов в подходящие грамматические модели получается соответствующий дискурс.

Системность лексики хантыйского языка можно видеть (и показать) в разных ракурсах: как обнаруживаются слова-понятия, усвоенные в раннем детстве; каков минимальный набор лексических единиц, без употребления которых нельзя адекватно рассказать о занятиях, например, рыбака; в чем своеобразие выделяемых лексических групп; как ведут себя отдельные лексические единицы в тексте (есть ли зависимость от вида текста, его жанра, объема) и т. п.

Основной элемент естественного языка как системы — слово, именно оно является «строительным материалом» при дальнейшем переходе к фразе (предложению) и их совокупности (тексту). В орбиту нашего исследования вовлечены слова и словосочетания, выражающие представление о человеке, занятом повседневным трудом. Многие из них формально не маркированы, и только в результате дистрибутивного анализа могут быть отнесены к средствам объективации искомого концепта.

Если понимать слово как номинативную единицу, можно заметить, что языки по-разному представляют устройство живого и предметного (вещного) мира, окружающего человека. По-разному отражается в языке и сам человек — эта многомерная, бесконечно разнообразная субстанция. При этом в каждом языке складываются свои правила описания человека:

«Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» (Апресян 1995: 38–39).

Лексика любого языка системна, но эта системность проявляется по-разному. В частности, неодинаковым бывает набор лексических оппозиций (и не всегда это только антонимы), по-разному проявляется языковой изоморфизм. Остановимся на указанных явлениях подробнее, используя материал хантыйского языка. Но прежде отметим, что хантыйский язык точнее всего определяется как разговорный. Безусловно, он давно уже письменный, на нем создано значительное число текстов (и рассказ, который мы ниже будем разбирать, предстает, конечно, в письменном виде), но при этом хантыйский язык воспринимается прежде всего как выполняющий первую функцию языка — коммуникативную. Именно эту сторону языка детально рассматривал в одной из своих работ Н. Б. Вахтин, предвзято свой анализ вопросом, суть которого сводится к следующему: что является залогом успешной коммуникации двух людей, говорящих на одном языке, но различающихся по другим возможным «параметрам» (полу, возрасту, социальному положению и т. п.)? Ответ: результативность коммуникации обеспечивают «разнообразные механизмы, позволяющие гасить... расхождения, механизмы обратной связи между говорящим и слушающим, способы переспросов и перепроверок, да и чисто языковые механизмы компенсации, снижения различий, достижения понимания» (Вахтин 2005: 164–165).

Н. Б. Вахтин называет эффективные детали «механизма обратной связи», наиболее яркие языковые средства «достижения понимания»: различные виды синонимии, повторы, переспросы, цитаты, аллюзии. Безусловно, такие средства в тексте разбираемого рассказа встречаются (в дальнейшем изложении обратим на них внимание), но мы бы добавили к ним и другие: разнообразные эвиденциальные формы (и маркеры), риторические вопросы, специальные синтаксические конструкции — восклицания, образные слова и выражения (в том числе юмористического характера).

В частности, эвиденциальные формы только и уместны, если необходимо подчеркнуть усталость человека, вернувшегося после недели промысла на дальних озерах:

Венил **ий мормынга ёвмат**, пухтымнгыт **ёхи рохынсынгын**, вени сохыт хатл ешит эвыт **пиема сермат**, катра ёхымьох кар хорасына. **Порти хорасын туш пунтат ий нова хатсимет** (Лазарев 1999: 23) ‘Лицо его **сморщилось**, щеки **ввалились**, кожа на лице **потемнела** от солнца, словно кора дерева. Кончики усов его **белесыми стали**’.

Однако, несмотря на несомненную реальность слова как отдельного языкового явления, несмотря на яркие признаки, ему присущие, оно (слово) с трудом поддается определению. Это в первую очередь объясняется многообразием слов со структурно-грамматической и семантической точек зрения. Возьмем ряд слов и сочетаний, которые могут быть представлены в тексте на хантыйском языке. Проанализировав их, увидим, сколь разнообразны они по протяженности, количеству слогов, морфем, изменяемости (неизменяемости), этимологии, сфере употребления, с точки зрения активности этого употребления, не говоря об оттенках значения, особенно экспрессивно-стилистических и оценочных.

Рассмотрим примеры употребления искомых слов и словосочетаний в контексте выражения отношения человека к своему делу (труду). В следующих предложениях речь идет о рыбаках и занятии рыболовством:

— *Нонг сирены ма тутн етын ат омсым? Ма самам сит пета ант уул. Хун хоят семыт кемны мотты вертл, сиртны **самыта амыт йит** на ухыта арсыр атым номсыт ант ёхыттыт* (Лазарев 1999: 23). ‘По-твоему, я дома должен сидеть? Мое **сердце** к этому **не лежит**. Когда человек, по своим возможностям, что-то делает, тогда его **сердце радуется**, и в голову разные плохие мысли не приходят’.

— *Рутситыт на ситта еты мантыт. Ситы, пох, **верыт си уттитыт*** (Лазарев 1999: 25). ‘Отдохнут и потом дальше идут. Так вот, сынок, **дела и бывают**’.

— *Ма вантэмны, нын ма тохыттем **вертын яма майныт**, — ай няха восилман, лопыс Петр* (Лазарев 1999: 31). ‘Я смотрю, у вас и без меня **дела хорошо идут**, — добродушно посмеиваясь, сказал Петр’.

— *Нонг иси на нэпекынг хо, сютны си тавырт, уны **верыт, сора ухена вуйтан**. Сит ям вер* (Лазарев 1999: 33). ‘Ты, однако, грамотный человек, эти сложные **дела быстро познаешь** (букв. «в голову берешь»). Это хорошо (букв. «**хорошее дело**»)’.

— *Ма нумыстым, нонг мотор манэма оша павыттэн. Там **вер ухыны номысны матэн**. Па ситта моторны туттиты **верен номыса анта рахыт**... (Лазарев 1999: 33). ‘Я думаю, что ты научишь меня обращаться с мотором. Этому **делу обучишь меня**. А если (у меня) ездить на моторе **дело не пойдет**...’*

Конечно, кроме приведенных образцов, в хантыйском языке представлено много других слов и оборотов, употребление которых позволяет рассказать о приверженности человека делу жизни, его трудолюбию, целеустремленности, добросовестности. Например, о своем призвании можно сказать так:

— *Па ситта ма хут ветты хоят тывсым. Йингк — там ма тытэм* (Лазарев 1999: 25). ‘И потом, я ведь **родился рыбаком**. Вода — это моя жизнь’.

Синонимичной приведенной является следующая фраза:

Аты омыста там ики ант хантл (Лазарев 1999: 35). ‘**Просто так сидеть** этот человек **не умеет**’.

Преимственность поколений людей, желающих трудиться, быть полезными обществу именно в этом качестве, ярко выражена в заключительном диалоге книги, посвященной рыбакам:

— *Сантыр, нонг па муя нонг вотанген пирьсь ики омысыттысэн рупитта? Сыры нонг туват туттисэн, а интам пирьсь ики мотор туттита тэсятсэн.*

Сантыр еты няхман лопыс:

— *Ма хун омсытысыэм. Тув тувы номыс вермат моториста утта. А ма космонавта титтым* (Лазарев 1999: 19). — Сантыр, а почему ты вместо себя старика заставил работать? Раньше ты его возил на лодке, а теперь старого человека посадил за руль.

Сантыр со смехом отвечал:

— Я не заставлял его. Он сам решил быть мотористом. А я космонавтом буду’.

По этим фрагментам видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими. Концептуальность текста, его внутренняя форма, сущность проявляются в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Другими словами, слова в тексте подогнаны друг к другу.

В системе хантыйского языка чрезвычайно важна роль глагола, и большое число его словоформ употребляется в любом тексте. В частности, в текстах о человеке труда регулярно используются глаголы движения и физического действия (хотя, конечно, не исключены глаголы эмоций, говорения, интеллектуальной деятельности, других лексико-семантических групп).

Системность в хантыйском языке, как и в любом другом, проявляется многообразно — как в больших совокупностях (например, словообразовательная, грамматическая, лексическая системы), так и в совокупностях меньшего объема (в частности, в лексических подсистемах, основанных на тематическом признаке). Эта же системность реализуется и в разных по объему линейных группировках (текстах): для яркого выражения концепта в текст вовлекаются слова разных частей речи, словосочетания разного типа, фразеологические обороты.

Тематическая лексика современного хантыйского языка исследована и описана достаточно хорошо (только модально-оценочная лексика как особая тематическая группа изучена недостаточно), но нет значительных работ по семантике отдельных лексем и лексических групп. И дело здесь не только в малом числе исследователей-лингвистов (хотя это тоже сказывается), но и в отсутствии сколько-нибудь значительных художественных произведений большого объема (романов) на «малых» языках. Об этой проблеме, свойственной не только хантыйской литературе, М. И. Черемисина писала так: «Стоит заметить, что языки народов Сибири, как алтайские, т. е. тюркские, тунгусо-маньчжурские и бурятский, так и угорские и самодийские, очень богаты потенциально. У них огромные, пока еще не востребованные резервы, позволяющие при первом требовании жизни образовать множество новых слов, прозрачная внутренняя форма которых дает ключ к их правильному пониманию в контексте грамматических форм и конструкций. Все эти средства выражения мыслей и чувств проснутся, если придет на них спрос. Но придет ли он и когда?.. Чтобы он пришел, должен сложиться сильный отряд писателей и поэтов. А он не складывается, если не сложился читатель» (Черемисина 2019: 7).

Но от этого исследование лексических систем «малых» языков не становится менее интересным: их лексика своеобразна, и примеров тому можно привести достаточно. Эти лексические системы можно рассматривать и отдельно по языкам, и брать их для сравнительного и типологического анализа.

Рассматривая типологические черты (общие и отличительные) языков мира, можно проследить и такие типологические характеристики, которые касаются и общих закономерностей семантической организации словарного состава. Заметно, что слова в разных языках неодинаковым образом объединяются в классы, соотносящиеся с морфологическими категориями или синтаксическими функциями. К примеру, в хантыйском языке нет такого явления, как организация (группировка) имен по семантическим классам, имеющая далее выход в какую-либо морфологическую категорию, но есть другие интересные семантические явления, сопоставимые с аналогичными в других языках. В частности, не раз писали по поводу большой детализации окружающего мира (или хозяйственной деятельности человека) в языках народов Севера. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что наличие значительного количества слов для

называния снега — особенность прежде всего ненецкого языка, а вот фраза о том, что «большое количество слов применяется для номинации рыболовных снастей и их деталей», и о хантыйском языке. Некоторые другие семантические особенности хантыйского языка (и других языков малочисленных народов Севера) отмечены и описаны исследователями (Черемисина 1992: 36–38; Гемуев 1995; Кононова 2002; Енов 2014; Полякова 2014; Мызников 2016; Бурыкин 2019; Söder 2001: 47–60).

Кроме семантико-грамматической деривации, есть много возможностей, которыми располагают языки для развития и совершенствования в лексико-семантической сфере. Хантыйский — не исключение, однако его дальнейшее развитие (в точном понимании этого термина применительно к естественным языкам) в настоящий момент находится под вопросом. Но это уже отдельная тема. Вклад лингвистов в дело развития и изучения языка состоит в том, что они могут произвести достаточно полное его документирование — уже только это позволит сохранить исторический опыт этноса в качестве живого опыта людей, сохранить отраженные и закрепленные в языке знания в сфере познания природы, традиционных технологий и промыслов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

венг. — венгерский
мар. — марийский
мокш. — мокшанский
ненец. — ненецкий
мс. — мансийский
саам. — саамский
самод. — самодийские
фин. — финский
хант. — хантыйский
эрз. — эрзянский
эст. — эстонский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 136–137.
- Бурыкин А. А.* Языки коренных народов Севера: 40 лет вызовов и ответов. Проблемы сохранения языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: современный взгляд // Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. (29 марта 2019 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2019. С. 30–53.
- Вахтин Н. Б.* Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 148–166.
- Вахтин Н. Б.* «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.
- Гемуев И. Н.* Цивилизация и культура // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. II: Археология. Этнография. С. 101–102.
- Головнёв А. В.* Сон принца Ичи // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. II: Археология. Этнография. С. 102–104.
- Енов В. Е.* Рыболовная лексика шурышкарского диалекта хантыйского языка, заимствованная русским языком // В мире научных открытий. Научно-практический журнал. 2014. № 3–2. С. 1187–1195.
- Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск, 1997.
- Кононова С. П.* Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). СПб., 2002.
- Кузнецова А. И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.

Кулемзин В. М. К вопросу об устойчивости и изменчивости культур // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф.* Новосибирск, 1995. Т. II: Археология. Этнография. С. 149–151.

Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Лазарев Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск, 1999.

Латтандер Р. И. Терминология снега и льда в ненецком языке // *Вопросы уралистики* 2014. Научный альманах. СПб., 2014. С. 423–428.

Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Томск, 2005. Т. 2: Средняя Обь. Вах. Кн. 1.

Молданова Т. А. Пища как элемент этнической идентичности и межкультурного взаимодействия // *Вестник угроведения.* 2017. № 4 (31). С. 131–143.

Мызников С. А. О происхождении некоторых рыболовецких терминов // *Громовские чтения: сборник мат-лов и исслед. междунар. науч. конф.* М., 2016. С. 213–219.

Набок И. Л. О художественно-эстетической недостаточности современного образования // *Артосфера: перспективы развития и инновации: мат-лы юбилейной междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию НОУ ВПО «Институт дизайна, прикладного искусства и гуманитарного образования».* СПб., 2017. С. 11–22.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* 2014. № 2 (4). С. 29–33.

Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции // *Вестник угроведения.* 2013. № 1 (12). С. 132–142.

Сенгенов А. М. Касум ики путрат. Рассказы старого ханты. СПб., 1994.

Сподина В. И. Облик человека в зеркале хантыйского и ненецкого языков // *Этнографическое обозрение.* 2007. № 6. С. 171–178.

Урманчиева А. Ю. Сходство нарративных стратегий нганасанского языка и среднетазовского говора селькупского (о возможной корреляции лингвистических и этнографических данных) // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* 2018. № 1 (19). С. 59–68.

Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // *Языки коренных народов Сибири.* 1998. Вып. 4. С. 3–30.

Черемисина М. И. Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности // *Предложение как единица языка и речи: мат-лы всерос. науч. симпоз. с междунар. участием.* Новосибирск, 2019. С. 4–11.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1992.

Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров // *Исследования по вопросам первобытных религиозных верований.* М., 1959. С. 114–156. (Труды Института этнографии. Т. 51).

Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica.* 2014. № 3. P. 199–211.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala, 2001. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33).

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1991.

**THE MAN AND HIS WORK:
PECULIARITIES OF THE “FISHING DISCOURSE”
IN THE KHANTY LANGUAGE**

ABSTRACT. The article considers one of the most common types of discourse in the languages of the northern peoples, i. e. the story about those engaged in catch of fish. The author indicates its typicality (frequency), which is due to the peculiarities of material culture and methods of traditional natural resources management. The approach applied in the article is based on the principle of anthropocentrism, i. e. the semantic description of the units of language used to name, characterize and evaluate a person. Lexical units are considered both as part of the vocabulary and as part of the sentence and the text: linguistic reconstruction of human image involves the identification of multidimensional structures involving the inclusion of elements, which have communicative, pragmatic and cognitive significance for the expression of the desired concept. The analysis is based on the story by the founder of Khanty literature G. D. Lazarev, titled “Sorneng tov” (“The Golden Horse”). The work is remarkable in so far as in such a short story the author managed to vividly present the image of the fisherman, a responsible, dedicated and traditional-minded man, who is, however, prone to innovation (in particular, to the use of a boat motor — the “golden horse”). To achieve the goal, the author considers textual fragments containing characteristics of a person engaged in daily fish catch and analyzes structural and semantic features of the text, which contribute to the verbalization of the sought-after concept. As a result of the analysis, the peculiarities of the fishing discourse in the Khanty language are determined. Among them are the depictions of different aspects of the process (its perceptions by different people), attention to detail and articulation of the major qualities of a proper fisherman (responsible attitude to one’s business, full immersion in it, sometimes even excitement, transfer of skills to the younger generation).

KEYWORDS: Khanty, traditional activities, Khanty language, “fisherman” concept, vocabulary, discourse, fiction

ANDREY D. KAKSIN — Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University (Russia, Abakan)
E-mail: adkaksin@yandex.ru